

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Проблема историчности в философии М. Хайдеггера
АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 411 группы
направления (специальности) 47.03.01 Философия
Философский факультет
Толстых Дарьи Евгеньевны

Научный руководитель
Профессор кафедры
теоретической и социальной философии
доктор философских наук, доцент

С.М. Малкина

Заведующий кафедрой
теоретической и социальной философии
кандидат философских наук, доцент

С.А. Данилов

Саратов 2025 год

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Понятие историчности в философии Мартина Хайдеггера представляет собой радикальный пересмотр традиционных представлений о времени и истории. В условиях современного кризиса исторического сознания, когда доминируют либо релятивизация прошлого, либо его мифологизация, хайдеггеровский подход позволяет переосмыслить саму природу исторического бытия. Когда мы слышим слово «история», перед глазами обычно встают учебники, архивные документы, хроники событий. Но Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» совершает настоящую революцию: он показывает, что история – это не то, что было «где-то там», а то, что мы есть «здесь и сейчас». Историчность оказывается не разделом науки, а способом человеческого существования.

Хайдеггеровский переворот заключается в простой, но радикальной мысли: историчность – это не свойство мира, а способ бытия человека (Dasein). Мы не просто изучаем историю – мы историчны по самой своей природе. Каждый наш шаг, каждое решение, даже молчаливое принятие традиции – все это акты исторического бытия. Современная цифровая эпоха довела неподлинную историчность до абсолюта. Соцсети превращают историю в бесконечный поток контента, алгоритмы подсовывают нам прошлое как развлечение, а глобализация размывает культурные корни. Но именно сейчас хайдеггеровская концепция становится особенно актуальной – как противоядие от исторического беспамятства. В этом главный парадокс и главный дар хайдеггеровской мысли. Он возвращает нам историю не как музейное достояние, а как живое пространство возможностей. Не как бремя прошлого, а как проект будущего, который мы осуществляем каждым своим действием. И в этом смысле «Бытие и время» – не просто философский трактат, а приглашение к подлинному историческому существованию.

Цель выпускной квалификационной работы состоит в раскрытии онтологического статуса историчности в философии Хайдеггера и показывает

его значение для понимания человеческого существования. Таким образом, её раскрытие происходит путём решения следующих *задач*:

.Проанализировать парадокс исторического начала в философии, выявив его связь с герменевтическим кругом и апориями поиска ἀρχή.

.Исследовать онтологическую структуру историчности через экзистенциалы Dasein: заброшенность, набросок, решимость.

.Раскрыть взаимосвязь историчности с концепциями судьбы и события.

.Обосновать роль временности и бытия-к-смерти как условий аутентичной историчности, противопоставив её неподлинным модусам существования в анонимности «Man».

Тезисы, выносимые на защиту:

.Историчность у Хайдеггера представляет собой не внешний контекст философского вопрошания, а онтологическое условие бытия Dasein. В отличие от классической историографии, сводящей историю к хронологии событий, хайдеггеровская историчность раскрывается через экзистенциалы (заброшенность, решимость, заботу), конституирующие Dasein как существо, укоренённое в традиции. Историчность здесь – не объект изучения, а способ бытия, где прошлое, настоящее и будущее синтезируются в экзистенциальном акте «возобновления» (Wiederholung).

.Критика объективированного времени в классической метафизике позволяет Хайдеггеру переосмыслить временность как экзистенциальную структуру Dasein. Отвергая линейную модель времени (последовательность «теперь-точек»), Хайдеггер определяет временность (Zeitlichkeit) через экстатическое единство прошлого (Gewesenheit), настоящего (Gegenwart) и будущего (Zukunft). Это единство раскрывается в «мгновении ока» (Augenblick), где Dasein, осознавая свою конечность (Sein-zum-Tode), обретает аутентичность через ответственность за унаследованные смыслы.

.Решимость (Entschlossenheit) выступает ключевым механизмом перехода от неподлинного существования к аутентичному, интегрируя временные экстазы в целостность «судьбы» (Schicksal). Решимость – не волевой акт, а

экзистенциальное открытие, в котором Dasein, сталкиваясь с «бытием-виновным», принимает свою заброшенность и проектирует будущее. Этот процесс преодолевает анонимность «Man», превращая историчность из пассивного наследования в активный диалог с традицией.

.Судьба (Schicksal) у Хайдеггера – не фатальный рок, а экзистенциальный синтез свободы и фактичности, где Dasein становится автором собственной историчности. Судьба возникает не из внешней детерминации, а из диалектики «брошенности» (Geworfenheit) и «наброска» (Entwurf). В поздних работах («поворот» – Kehre) судьба интегрируется в онтологию «события» (Ereignis), где человек выступает не «господином сущего», а «стражем бытия», ответственным за его историческое раскрытие.

.Концепция «события-сбывания» (Ereignis) радикализирует понимание историчности, преодолевая метафизику субъект-объектных отношений. Событие ломает классические категории, раскрывая историчность как взаимопринадлежность бытия (Sein) и человека: бытие «дарует» себя через язык и искусство, а человек, «вслушиваясь» в его зов, участвует в «истории бытия» (Seinsgeschichte). Это превращает философию не в поиск истин, а в практику вопрошания, укоренённую в конечности человеческого существования.

.Историчность и временность взаимно обуславливают друг друга, формируя основу для преодоления разрыва между систематичностью и историзмом. Если Гуссерль и Риккерт видели в истории угрозу универсальности, то Хайдеггер онтологизирует историчность, показывая, что любое «начало» философии уже укоренено в традиции. Историчность здесь – не помеха, а условие мышления, где Dasein, деконструируя метафизику, возвращается к «забытым» вопросам о бытии.

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, четырёх параграфов, заключения, а также списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Начала философии и экзистенциальная временность» исследуется парадокс философского начинания: как возможно начать мыслить, если само начало уже погружено в историческую традицию? Критикуя классическую метафизику времени (от Аристотеля до Ньютона) за сведение временности к линейной последовательности «теперь-точек», глава акцентирует экзистенциальное измерение времени. Хайдеггеровская деструкция традиции переосмысляет время как горизонт бытия, а не объект, раскрывая историчность как онтологическое условие мышления, встроенное в структуру Dasein. Анализ Гуссерля («Философия как строгая наука») и Хайдеггера («Бытие и время») показывает эволюцию феноменологии: если Гуссерль через эпоху стремится к «чистому» началу, то Хайдеггер доказывает, что философское вопрошание всегда «заброшено» в традицию, превращая конфликт априорного и исторического в основу философии. Итог главы – начало мысли осуществляется не через поиск вневременных истин, а через герменевтическое «возобновление» (Wiederholung) традиции, где прошлое актуализируется в диалоге с настоящим.

В первом параграфе первой главы «Философия и проблема начал» апория философского начала раскрывается через диалектику универсального (априорного) и контекстуального (исторического). Гуссерль, стремясь преодолеть релятивизм методом эпохи, остаётся связанным с исторически обусловленным языком. Хайдеггер радикализирует проблему: историчность – не препятствие, а условие философии. «Начало» становится процессом деконструкции традиции, где истина (ἀλήθεια) раскрывается как диалектика сокрытия и явленности. Ключевой тезис: философское вопрошание всегда начинается «посредине» – в ситуации «заброшенности» (Geworfenheit), где Dasein, погружённое в эпоху и язык, через «набросок» (Entwurf) преобразует историческую данность в ресурс для новых интерпретаций.

Во втором параграфе первой главы «Экспозиция проблемы историчности через временность» анализируется хайдеггеровская концепция временности (Zeitlichkeit) как онтологической основы историчности. Критикуя классические модели времени как объективированные, Хайдеггер определяет время через заботу (Sorge) Dasein, структурируемую тремя экстазами: будущее (проективность), прошлое (брошенность) и настоящее (повседневность). Временность – динамический процесс, где «мгновение ока» (Augenblick) позволяет Dasein вырваться из анонимности и принять ответственность за бытие. Смещая вопрос с «Что есть время?» на «Как временится временность?», Хайдеггер превращает её в горизонт историчности, где история – не хронология, а диалог с возможностями прошлого.

Во второй главе «Историчность и её экзистенциальные измерения» раскрывается связь историчности с онтологическими структурами Dasein, где история переосмысливается не как хронология событий, а как экзистенциальный нарратив, сплетающий прошлое, настоящее и будущее в акте вопрошания. Историчность укоренена в конечности человеческого существования и раскрывается через диалектику «заброшенности» (Geworfenheit), «наброска» (Entwurf) и «решимости» (Entschlossenheit). «Заброшенность» — исходная фактичность, в которой Dasein наследует язык, культуру и традицию, преобразуя их через герменевтическую деконструкцию. «Набросок» — проектирование возможностей, где свобода сталкивается с унаследованными смыслами, а «решимость» — акт экзистенциального выбора, раскрывающий подлинность бытия через принятие конечности.

В первом параграфе второй главы «Экзистенциально-онтологическая экспозиция проблемы истории» историчность представлена как синтез «заброшенности» (фактичности традиции) и «наброска» (свободного проектирования). Через «решимость» (Entschlossenheit) Dasein, осознавая конечность (Sein-zum-Tode), актуализирует прошлое в настоящем, превращая историю в экзистенциальный нарратив. Герменевтическая деструкция вскрывает скрытые смыслы традиции, как в примере с переосмыслением

Аристотеля: время становится структурой заботы, а не последовательностью моментов.

Во втором параграфе второй главы «Историчность как Судьба-в-Со-бытии» исследуется хайдеггеровское понятие *Geschick* («Судьба-в-Со-бытии»), где индивидуальное и коллективное бытие сплетаются в диалоге с «посылами бытия» (*Seinsgeschichte*). Судьба (*Schicksal*) – не фатум, а экзистенциальный проект, возникающий из взаимодействия брошенности и свободы. Ключевое понятие *Ereignis* («событие-сбывание») раскрывает взаимность бытия и человека: бытие «нуждается» в *Dasein* для своей явленности, как в поэзии Гёльдерлина, где язык становится «домом бытия». Критика современности (эпоха *Gestell*) акцентирует опасность редукции бытия до ресурса, но видит в этом вызов для возврата к вопрошанию. В поздних работах историчность связывается с языком – средой раскрытия бытия, где философия и поэзия становятся практиками ответа на «историю бытия».

В заключении подводятся итоги исследования, подтверждающие, что историчность в философии Хайдеггера выступает ключевым онтологическим условием, преодолевающим традиционный разрыв между систематичностью философского знания и его исторической обусловленностью. Анализ демонстрирует, что временность, понимаемая как экстатическое единство прошлого, настоящего и будущего, неразрывно связана с историчностью: именно через укоренённость *Dasein* в наследии (*Gewesenheit*) и его набросок (*Entwurf*) конституируется подлинное вопрошание о бытии. Особое значение приобретает поздний «поворот» (*Kehre*) в мысли Хайдеггера, где историчность радикализируется через концепт события-сбывания (*Ereignis*), смещающий фокус с антропоцентрической экзистенции на «историю бытия» (*Seinsgeschichte*). В этом контексте человек переосмысливается не как субъект истории, а как «страж бытия», ответственный за воплощение его посылов (*Geschicke*) в конкретных культурных и философских практиках. Критика метафизики присутствия, лежащая в основе хайдеггеровского проекта, раскрывает историю не как линейную хронологию событий, а как поле

экзистенциальных возможностей, где прошлое актуализируется через герменевтическую деструкцию, а будущее творится в акте ответственного выбора. Таким образом, исследование подтверждает, что хайдеггеровская концепция историчности предлагает принципиально новый подход к пониманию человеческого существования, синтезирующий онтологическую строгость с герменевтической чуткостью к традиции, что сохраняет актуальность для современных дискуссий в философии истории, экзистенциальной аналитике и постметафизическом мышлении.

Заключение

Проведенное исследование позволило раскрыть ключевые аспекты хайдеггеровской концепции историчности, связав их с фундаментальными проблемами философской мысли. Анализ парадокса исторического начала продемонстрировал, что поиск ἀρχή в философии неизбежно сталкивается с апорией: любое начало уже опосредовано историей, что порождает герменевтический круг. Философское вопрошание о началах оказывается укоренено в традиции, которая конституирует его предпосылки. Этот парадокс, по Хайдеггеру, не является тупиком, но отражает суть историчности как динамического процесса, где «истинное» начало всегда ретроспективно и раскрывается через деконструкцию наличных интерпретаций. Таким образом, герменевтический круг становится не препятствием, а условием продуктивного диалога с прошлым, где философский нарратив одновременно конструирует и деконструирует свои основания.

Онтологическая структура историчности была эксплицирована через экзистенциалы Dasein: заброшенность, набросок и решимость. Заброшенность (Geworfenheit) раскрывает укоренённость Dasein в фактичности — исторически данных условиях, которые не выбираются, но становятся основой для экзистенциального проектирования. Набросок (Entwurf) как устремлённость к будущим возможностям демонстрирует, что историчность не сводится к пассивному наследованию, а требует творческого переосмысления традиции. Решимость (Entschlossenheit), возникающая из осознания бытия-к-смерти (Sein-zum-Tode), синтезирует временные экстазы, превращая историчность в ответственный акт самоопределения. Эти экзистенциалы образуют динамическое единство, где Dasein, будучи «брошенным» в мир, обретает свободу через принятие своей конечности и унаследованных смыслов.

Взаимосвязь историчности с судьбой (Schicksal) и событием (Ereignis) раскрыла её коллективно-онтологическое измерение. Судьба, в отличие от фатализма, трактуется как экзистенциальный синтез индивидуального выбора и совместного бытия-с-другими (Mitsein). Событие же, ключевое для позднего

Хайдеггера, обозначает момент взаимопринадлежности бытия и человека, где историчность становится участием в «истории бытия» (Seinsgeschichte). Если судьба акцентирует ответственность Dasein за усвоение наследия, то событие подчеркивает радикальную открытость бытия, требующую от человека вопрошающего отклика. Этот синтез преодолевает метафизическое противопоставление субъекта и объекта, раскрывая историчность как со-бытийность.

Временность и бытие-к-смерти были обоснованы как условия аутентичной историчности. Временность, понимаемая не как линейная последовательность, а как экстатическое единство прошлого, настоящего и будущего, позволяет Dasein выйти за рамки анонимности «Man». Неподлинное существование, погружённое в повседневность, редуцирует время до хронологии «теперь-точек», тогда как подлинная историчность, пробуждаемая бытием-к-смерти, трансформирует время в горизонт экзистенциального проекта. Осознание смертности не только обнажает конечность Dasein, но и делает возможным «мгновение ока» (Augenblick) — точку аутентичного присутствия, где прошлое и будущее встречаются в акте ответственного выбора.

Историчность у Хайдеггера предстаёт как онтологическая структура, синтезирующая индивидуальное и коллективное, свободу и заброшенность, традицию и новацию. Её аутентичность возможна лишь через преодоление метафизических иллюзий объективированного времени и принятие экзистенциальной ответственности за собственное бытие-в-мире. Этот анализ вносит вклад не только в понимание хайдеггеровской философии, но и в современные дискуссии о природе исторического знания, открывая перспективы для герменевтики, акцентирующей диалог с традицией как условие творческого мышления.